

Праздник

ОН ПОСМОТРЕЛ на часы, выключил свет и вышел из номера.

Дежурная по этажу негромко разговаривала по телефону. Яркий свет от настольной лампы освещал ее когда-то красивое лицо и мелкие частые морщинки в вырезе платья. Рядом с телефоном, на газете, лежала толстая книга «Русские народные сказки».

«В ее возрасте читать сказки?!» — удивленно подумал он.

Когда он положил ключ от номера на стойку, она опустила трубку телефона.

— Интересная? — он кивнул на книгу.

— У внука взяла почитать, — она положила ключ в ящик стола, добавила: — А вы знаете, в сказках, оказывается, есть удивительная закономерность.

— Да?! — нарочито удивленно спросил он.

— Представьте себе, — она взяла книгу, прошелестела страницами, — в сказках, оказывается, принцессы и королевы, за редким исключением, всегда красивы, а Ивану-дураку всегда везет. Не замечали?'—она посмотрела на него.

— К сожалению, — он развел руками.'—Да и, признаться, я давно их не читал, больше периодику. Вы позволите?

— Пожалуйста, — она протянула книгу, глядя, как он перелистывает страницы, сказала: — Не книжка, а праздник доброты. Знаете, — пожала плечами, — ну, вроде как таблетки от равнодушия и черствости. Читаешь — и словно ребенок тебя по голове гладит.

Он поверх книги быстро посмотрел на нее. Она, встретив его взгляд, грустно улыбнулась.

— Как-нибудь возьмусь почитать, — сказал он, возвращая книгу.

'В глубине длинного коридора хлопнула дверь, и послышались неторопливые, мягкие шаги по ковровой дорожке.

— Вы когда уезжаете?'—спросила у него дежурная.

— Завтра. Где-то около одиннадцати утра. Но номер освобожу раньше.

Она кивнула и открыла книгу...

Ресторан находился на первом этаже. Прежде чем войти, он одернул пиджак и поправил галстук.

Ресторан был полон света и музыки, какой-то разухабистой, громкой. Он, недовольно морщась, огляделся в поисках свободного места. Все стоящие ближе к эстраде столики были заняты, и он сел за тот, что стоял у огромного, задернутого шелковыми шторами окна.

В меню можно было не смотреть — денег было «только- только», и, когда подошла официантка, он заказал бутылку сухого вина, антрекот и кофе.

Записав заказ в маленькую записную книжку, она ушла с дежурной улыбкой на некрасивом лице.

Он проводил ее взглядом и заметил, что некрасивость лица вполне компенсирует стройная фигура и точеные ноги.

«Встречаются же еще женщины с такой великолепной конфигурацией», — подумал он и посмотрел равнодушным взглядом на ближайшие столики. Там сидела одна молодежь, и он, подперев ладонью щеку, стал глядеть в просвет между неплотно задернутыми шторами, вяло думая о том, что завтра, примерно в это время, он уже будет дома, пить чай и рассказывать жене то, чего не было, чтоб хоть как-то скрасить свое возвращение, а жена будет слушать и верить, слушать и верить, как, впрочем, верила всю жизнь...

— У вас свободно? — неожиданно услышал он негромкий женский голос.

Он обернулся. Рядом со столиком стояла невысокая миловидная женщина, держа в руке маленькую дамскую сумочку ярко-красного цвета.

— Да. Конечно, — торопливо проговорил он, привстав. — Прошу вас.

— Благодарю, — она наклонила аккуратно причесанную голову, села напротив, положила сумочку на край стола, заинтересовалась: — Вы уже сделали заказ?

— Да... Только что.

— Значит, придется ждать, —она вздохнула и открыла меню.

Она определенно была привлекательной. Он пытался

понять, чем именно, но не мог. Может, тем, что на лице ее не было косметики, что красиво были уложены волосы, черные, с синеватым отливом, может, глаза...

— Что вы меня так разглядываете? — неожиданно спросила она, с улыбкой взглянув на него.

— А на кого мне еще смотреть, — шутливо ответил он, — как не на красивую женщину.

Она усмехнулась, положила меню и, полуобернувшись, посмотрела в зал.

Он заполнялся. С подносом в руке подошла официантка. Быстро и умело расставила приборы на столе и вопросительно посмотрела на женщину.

— Мне, пожалуйста, то же самое, что и мужчине, — сказала она, — то только вместо бутылки вина бутылку лимонада.

Он снова проводил официантку взглядом. Женщина посмотрела на него, на официантку, открыла сумочку и посмотрела на себя в зеркальце.

— Может, вы тоже выпьете? — спросил он, наполняя фужер вином. — За знакомство.

Она посмотрела по сторонам, прошептала:

— Только если чуть-чуть и только за знакомство.

Он налил ей в фужер, поднял свой.

— Будем знакомы, раз встретились и сидим за одним столиком.

За знакомство, — она улыбнулась, отпила глоток, поставила фужер на стол, спросила:

— Вы в командировке?

— Почему вы так решили?

Она пожала плечами:

— Не знаю.

— В командировке. Завтра уезжаю, — он опустил фужер на стол. — А вы?

— Я тоже, —она повертела фужер в пальцах, —но в добровольной, так сказать, непроизводительной и невеселой, как оказалось.

— В командировках вообще веселого мало, — заметил он. —

В больших городах еще куда бы ни шло, а в периферийных, вроде этого, — кивнул в сторону окна. —Тоска зеленая.

— Вы часто ездите?

— Приходится, — выдохнул он: — Работа такая. Меня,

как говорится, дорога кормит. За месяц иной раз случается и раза по три.

— Веселого мало, — согласилась она.

— Это точно, — он хмуро кивнул, — но кому-то надо, и тут уж ничего не поделаешь, — пожал плечами и стал есть.

Она отвернулась.

Зал все больше шумел. Ударник просто выходил из себя.

— А как в семье те этому относятся? — поинтересовалась она, когда он стал пить кофе.

— Стерпелись. Жена, правда, иногда ворчит. Так на то она и жена, чтобы ворчать, — он улыбнулся. — Смежная, так сказать, профессия.

Она покачала головой и усмехнулась.

Подошла официантка, поставила заказанное женщиной на стол, равнодушно взглянула на них и ушла к другому столику.

— А вы когда уезжаете? — любопытничал он, отпив глоток кофе.

— Тоже завтра.

— Все дела переделали?

— Все,—она усмехнулась, налила лимонаду в фужер.— Да и дел-то, в принципе, не было. Приехала, так сказать инкогнито, посмотреть на одного человека мужского пола.

— Не понял, — он удивленно посмотрел на нее.

— Все очень просто, —она грустно улыбнулась, поправила волосы. — Написала в «Службу знакомств», мне ответили и даже прислали фотографию. На внешность и по письму— хороший человек.

— А вы, конечно же, засомневались, — ухмыльнулся он.

Она взглянула на него, хотела что-то сказать, но промолчала.

— А что, разве без этой службы человека себе найти нельзя, что ли? К тому же с вашей-то внешностью.

Она провела ладонью по щеке:

— Кто-то, наверное, может, а мне вот не везет... Видно, уродилась такой, невезучей. Вот и сейчас. Приехала, поговорила, не представляясь, конечно, и — как теркой по сердцу-

— Идеал ищете? — он снова усмехнулся.

— Ну что вы! — воскликнула она. — Какой может быть идеал в наше-то время? Помельчали мужчины, не в обиду вам сказано.. А идеал... Не знаю, — она провела 'кончиком

вилки по скатерти. — Наверное, с идеалом жить вместе не интересно... Нет, — качнула головой. — Просто, чтоб человек был мужчиной и... — она снова посмотрела на него,—чтоб любил.

— У всех женщин в голове только любовь, — буркнул он, наполняя фужер. — Из-за любви они и спать не спят как следует, и себя не жалеют, и даже то, что, на первый взгляд, невозможно снести, терпеливо переносят... Их сам черт не поймет... Живут, как инопланетянки.

Она улыбнулась. Он залпом выпил вино, спросил:

— Так одна и живете?

— Так одна и живу, — ответила она в тон ему, налила в фужер еще немного лимонаду и, глядя, как поднимаются и лопаются пузырьки газа, негромко, задумчиво добавила:

— Так и живу — тихо встречаю сумерки и рассветы, а жизнь идет. Что там ни (говорите, а тридцать четыре года для женщины — это...

— Я бы вам от силы лет двадцать пять дал, — сказал он.

- Честное слово.

— Спасибо, — она покусала губы, невесело улыбнулась.

— Мне как-то подруга загадку задала: «Что такое далеко и в то же время близко?» Я долго думала, но отгадать не смогла, а ответ оказался очень даже простым — это отношения между мужчиной и женщиной.

— Наверное, так оно и есть, — неуверенно согласился он. — Хотя я, если честно, (никогда об этом не задумывался. Живем и живем. Вопросы надо решать, когда они возникают, а предугадывать... — махнул рукой. — А если их нет, то их нет, и слава Богу. А влезать в тело вроде медицинского зонда, знаете ли... больно и неприятно...

Они замолчали. Снова подошла официантка, спросила:

— Заказывать будете?

Женщина отрицательно покачала головой.

— А мне еще бутылку сухого.

— Напиться хотите? — спросила женщина.

— С этого-то? — он пренебрежительно махнул рукой. — Просто надо хоть как-то время убить. Скука. Праздника пег. Ни в жизни, ни в душе... Такое, понимаете, дело, А бутылка вина... — не договорил, протянул подошедшей официантке деньги... Женщина: положила деньги па край стола и встала.

Он спрятал бутылку в карман и тоже поднялся,...

— У вас какой, номер? — спросил он, когда они вышли из ресторана.

— Двести восемнадцатый, а что? — она остановилась.

— Так... Спросил просто... До свидания.

— До свидания.

Он посмотрел, как она медленно, держась рукой за перила, поднимается по лестнице, достал из кармана кошелек, пересчитал деньги, взглянул на дверь ресторана и махнул рукой:

— А-а! Скука — она везде скука...

— ... Так быстро? I— спросила у него дежурная по этажу, закрывая книгу и протягивая ключ от номера. — Iie понравилось?

— Не понравилось, — он отрицательно мотнул головой.

— Я сменщицу предупреджу, что вы завтра уезжаете, — сказала она.

Войдя в номер, не включая света, он поставил бутылку вина на стол и подошел к окну.

Маленькая площадка перед гостиницей была залита оранжевым светом фонарей. К скамейке, стоящей недалеко от входа в гостиницу, была привязана маленькая собачонка.

— Черт бы побрал эту командировку, — пробормотал он, — и чтоб пусто было тому, кто «х выдумал».

Посмотрел на бутылку вина, прошелся по номеру, полистал кем-то оставленный журнал, бросил на кровать и решительно поднял трубку телефона.

Ответили сразу, словно ждали его звонка.

— Да?! — голос в трубке прозвучал, как ему показалось торопливо и радостно.

— Это я, — уронил он.

— Я догадалась.

Он переложил трубку к другому уху:

— Я могу к вам прийти... Понимаете, бутылка сухого стоит, а пить в одиночестве...

Он думал, что она, как обычно другие, нарочито возмущенно спросит: «Да за кого вы меня принимаете?», по услышал:

— Вы меня хотите?

Он опешил. Еще ни одна женщина, с которыми ему приходилось встречаться, не была такой откровенной.

— Да!

В трубке наступило молчание. Он слышал, как она дышит.

— А вы жалеть не -будете? — тихо спросила она.

— О чем? — искренне удивился он.

— Тогда приходите.

— Вот это женщина, — пробормотал он с непонятным для себя чувством то ли растерянности, то ли досады. — А то некоторые корчат из себя черт знает кого, а на самом деле...

Он сунул бутылку вина в карман и вышел из номера. Отдавая дежурной ключ, сказал:

— Схожу еще раз. Скучно одному.

— Деньги есть, отчего бы и не пойти, — дежурная зевнула. — Дело молодое.

Номер двести восемнадцатый был на втором этаже и в самом конце коридора. Прежде чем постучать, он посмотрел по сторонам. Постучал негромко.

— Входите, — послышалось в ответ.

Она стояла у окна спиной к нему, когда он вошел.

— Дверь закройте, — попросила она, не оборачиваясь.

Он послушно закрыл дверь, поставил бутылку на стол и подошел к ней.

Окно смотрело на железнодорожную насыпь, маячковый семафор с пронзительно-зеленым глазком, лес, что высился по другую сторону железнодорожного пути.

Стояли молча. Со стороны послышался шум приближающегося поезда, и вскоре грузно проехал тяжело груженный товарняк. Стоящие на столе стаканы забко зазвенели, касаясь друг друга.

- Я знала, что вы позвоните, — негромко проговорила она, когда шум состава стих.

— Откуда?

— Не знаю... Чувствовала и все... — резко обернулась, обняла его, тесно и жарко прижалась к нему всем телом.

От ее волос приятно пахло незнакомыми духами, он мягко погладил их.

— Все одна и одна, — прошептала она, пряча лицо на его плече.

— И никто на свете меня не любит.

— Но ведь и в родных семьях одних любят, а других нет, — сказал он..

Еще никто и никогда не целовал его так, как эта женщина. Это был не обязательный поцелуй... Это был поцелуй не ради поцелуя, это... он не знал, но...

— Выключи свет, — тяжело дыша, попросила она. — И отвернись.

... Он встал с кровати, не включая света, открыл бутылку, наполнив один из стаканов, спросил:

— Тебе налить?

— Нет, — чуть слышно ответила она.

Он пожал плечами, делая крупные глотки, жадно выпил и подошел к окну. От него несло прохладой. За ним все было точно так же, как и несколько минут назад, если не считать того, что над лесом выпали звезды.

— Завтра будет отличная погода, — сказал он и вдруг услышал, что она плачет.

— Ты чего?! — удивленно спросил он, присаживаясь на край кровати. — Случилось что? — провел ладонью по ее белеющему в полумраке плечу.

Она не ответила. Ткнулась лицом в подушку. Он недоуменно пожал плечами:

— Все было так хорошо, и вот на тебе... Я тебя что, обидел?

Она помогала головой, прошептала сквозь слезы:

— Все хорошо... Все хорошо, — и, как ему показалось, ни к селу, ни к городу добавила: — Праздник...